

Л.А. Бобров (Новосибирск)

**КАЗАХСКАЯ ТАКТИКА ВЕДЕНИЯ БОЯ
В ПЕШЕМ СТРОЮ В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ
XVI – СЕРЕДИНЕ XIX ВЕКОВ ***

В СОВРЕМЕННОЙ научной литературе широко распространено мнение, что в основе военных побед кочевников эпохи Средневековья лежала исключительно эффективная тактика ведения боя в конном строю. Подобная постановка вопроса во многом справедлива. Великолепный конский парк обеспечивалномадам важнейшее конкурентное преимущество – мобильность, как на тактическом, так и на стратегическом уровне (на поле битвы и в ходе военной кампании соответственно). Сочетание мобильности и массового применения мощного оружия дистанционного боя (сложносоставных луков) приносилономадам победы в десятках и сотнях сражений с армиями оседло-земледельческих народов. Однако сводить военное искусство кочевников исключительно к бою в конном строю неверно. Тактика степняков была значительно более разнообразной и гибкой. Важной ее оставляющей было ведение сражения в пеших порядках. Особо подчеркнем, что речь идет не о существовании у кочевников пехоты как рода войск, а о спешивании всадников во время сражения. Судя по данным изобразительных и письменных источников, такой тактический прием в эпоху поздней Древности, раннего и развитого Средневековья практиковали хунны, сяньби, древние тюрки, енисейские кыргызы, уйгуры, кидани, монголы и другие народы Великой степи. В большинстве случаев кочевники сходили с коней, если этого требовал рельеф

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых (конкурс – МК-4281.2012.6).

местности (лес, горы, заболоченная местность и т. д.) или боевая обстановка (штурм или защита укреплений, лучной бой в обороне и т. д.)¹. Таким образом, элементы пехотной тактики были известны степным полководцам задолго до появления огнестрельного оружия, хотя конный бой и продолжал доминировать в степных сражениях на протяжении всей эпохи раннего и развитого Средневековья.

Традиционный баланс между боем в конном и пешем строю был нарушен в эпоху позднего Средневековья и раннего Нового времени в результате «Пороховой революции», прокатившейся по Евразии. Триумфальные военные успехи джунгар в последней трети XVII – первой половине XVIII вв. показали, что кочевники могут вполне успешно использовать инновационные элементы военного искусства оседло-земледельческих народов. Массовое применение ручного огнестрельного оружия (а со второй половины 20-х гг. XVIII в. и легких пушек), комбинация действий панцирной копейной конницы с отрядами пеших ружейных стрелков и копейщиков превратили джунгарскую армию в мощнейшую военную силу Центральной Азии².

Однако джунгары не были единственным народом Великой степи, адаптировавшим традиционное военное искусство кочевников к меняющимся военно-политическим реалиям Нового времени. Другим ярким примером данного процесса стала эволюция вооружения и тактики тюркских кочевников Казахстана последней трети XVI – середины XIX вв. Важнейшим элементом модернизации военного дела казахов данного периода было широкое внедрение тактики ведения боя в пеших порядках, с акцентом на массовое применение ручного огнестрельного оружия. Несмотря на наличие многочисленных профильных материалов, данная тема ни разу не становилась объектом специального исследования, основанного на комплексном анализе вещественных, изобразительных, письменных и фольклорных источников.

Процесс становления и развития новой тактики ведения боя в различных регионах Великой степи отличался значительным своеобразием. Большинство оседло-земледельческих государств (в т. ч. Россия и Китай) налагали строжайший запрет на продажуномадам огнестрельного оружия. Организовать же собственное массовое ружейное производство многим кочевым сообществам было просто не под силу. Казахские ханы смогли в полной мере

воспользоваться выгодным геополитическим положением своих обширных кочевий. Южные соседи казахов – жители оседло-земледельческих и ремесленных центров Средней Азии традиционно продавалиномадам Дашт-и Кипчак различные виды вооружения. После того как мастера Бухары, Хивы, Ташкента и других городов региона освоили производство ружей и боеприпасов, они начали активно экспортировать их в Казахскую степь. В конце XVII в. торговля «пищальями» была развернута даже в столице казахских ханов – г. Туркестане³. Со временем в казахских улусах появились собственные мастера «ружейного дела»⁴. В XVIII – первой половине XIX вв. ружейный арсенал казахов был представлен изделиями местных и среднеазиатских мастеров, причем импортные среднеазиатские ружья явно преобладали. Также применялись ружья российского, иранского, ойратского, цинского производства. Основная часть боеприпасов (пули, порох), а также ружейная амуниция изготавливалась самими казахами.

По меркам региона, казахские воины стали использовать огнестрельное оружие достаточно рано. Согласно степным преданиям, феодалы Дашт-и Кипчак применяли дальнобойные ружья уже в XV в.⁵ Письменные свидетельства об использовании кочевниками региона ружей относятся к XVI в. Впоследствии, наряду с обычными, казахские воины применяли крупнокалиберные ружья, по своему назначению занимавшие промежуточное положение между мушкетами и легкими пушками. А вот собственно артиллерия (в европейском понимании данного термина), напротив, появилась в полевых казахских войсках поздно. В джунгаро-казахских отрядах, действовавших против цинских войск в середине XVIII в., находились пушки предположительно джунгарского производства⁶. В первой половине – середине XIX в. казахи применяли легкие орудия, изготовленные среднеазиатскими мастерами. Несколько пушек, перевозившихся на верблюдах, имелось в войсках Кенесары Касымова. Легкая пушка была в его отряде и в роковом для К. Касымова сражении с киргизами в 1847 г.⁷ В середине XIX в. казахские военачальники командовали сводными казахско-кокандскими частями и подразделениями, применявшими артиллерию⁸.

Распространение огнестрельного оружия привело к значительным изменениям в традиционном комплексе вооружения дистанционного боя народов Евразии. В Западной Европе аркебузы, мушкеты, карабины и пистолеты достаточно быстро вытеснили луки и

арбалеты из широкого военного обихода. В Цинском Китае и Японии лук сохранился на вооружении конницы, в то время как пехота стала активно осваивать ручное огнестрельное оружие. В степях Центральной и Средней Азии ружье не вытеснило, а дополнило традиционный саадак. В зависимости от погодных условий и боевой обстановки воин мог попеременно пользоваться то луком, то ружьем.

Применявшиеся казахами ружья («туфак», «милтик») отличались значительной длиной (ствол мог достигать 1,4 м), массивным ложем и характерным изогнутым прикладом. Доминировали ружья с фитильным замком, который считался более надежным, чем кремневый. К правой стороне приклада крепился специальный «карман» для фитиля (рис. 1, 9).

В отличие от джунгар, уйгуров и туркмен ружейная стрельба с коня не получила у казахов сколько-нибудь широкого распространения. Практически все иностранные наблюдатели отмечали, что перед тем как открыть огонь, казахи спешивались. Обычно стрельба велась с колена (рис. 1, 3). Несколько реже стреляли из положения стоя или лежа (рис. 1, 1, 3, 8). Для повышения точности стрельбы ружья опирали на деревянные или роговые сошки, втыкавшие в землю (рис. 1, 1, 9; 5).

Казахская ружейная амуниция была представлена кожаным поясом, к которому подвешивалась специальная ружейная сумка «киса» и мешочки для пуль («окшынтай») (рис. 1, 9, 10; 5). Иногда казахские воины применяли оригинальный азиатский «бандельер», состоящий из специальных костяных и деревянных пороховых мерок, подвешенных к кожаному ремню. Последний носился не через плечо (как европейские бандельеры), а на шее (рис. 1, 9, 10; 5, 2). Для того чтобы длинные полы халата не мешали стрелку, их запихивали за пояс либо заправляли в широкие штаны-«чалбары» (рис. 1, 3, 9, 10; 5, 1).

В отличие от джунгарских правителей, сумевших в конце XVII – начале XVIII вв. наладить собственное массовое ружейное производство и снабдить «турками калмыцкими» большую часть своих воинов, казахские кочевники должны были приобретать огнестрельное оружие самостоятельно у местных или среднеазиатских мастеров, или «бухарских» купцов. Импортное вооружение стоило дорого, поэтому основными потребителями огнестрельного оружия в казахских войсках были представители знати, батыры и

состоятельные ополченцы. Тем не менее, количество воинов с «огненным боем» постепенно росло. В конце XVI–XVII вв. число ружейных стрелков в казахских войсках обычно исчислялось сотнями, а в XVIII в. тысячами воинов. В случае необходимости они могли сводиться в отдельные ударные отряды. Так, например, в корпусе султана Джангира, состоявшего в 1643 г. из 600 воинов, не менее 300 были вооружены ружьями. В отборных отрядах Аблая в середине XVIII в. огнестрельным оружием были снабжены около половины и более воинов. После двух сражений, в ходе которых были убиты 200 казахских ополченцев, цинские солдаты захватили трофеи: 200 лошадей и 100 ружей⁹. По данным российских офицеров, ядро армии К. Касымова составляли 800 воинов, поголовно вооруженных ружьями и пистолетами¹⁰. В сражении с киргизами в 1847 г. в отряде К. Касымова было 500 ружейных стрелков, которые воспринимались как главная ударная сила его корпуса¹¹. По европейским меркам эти цифры не велики, однако в военных реалиях Средней Азии отряды из нескольких сотен или тысяч аркебузирова представляли внушительную военную силу. По степени оснащённости огнестрельным оружием в конце XVI – середине XVII вв. казахи превосходили все другие кочевые народы Центральной и Средней Азии. Позднее они уступили первенство джунгарам, но продолжали значительно превосходить по этому показателю киргизов, каракалпаков, башкир.

Распространение нового вида оружия подвигало казахских полководцев применять новые тактические схемы, позволявшие максимально эффективно использовать преимущества «огненного боя». Уже во второй половине XVII в. казахские воины стали все чаще спешиваться во время сражений и возводить полевые укрепления. Новая тактика оказалась достаточно эффективной даже в борьбе со знаменитой панцирной («куяшной») конницей ойратов, без особых проблем громившей конные ополчения крымских татар и ногайцев¹². Боевые успехи стимулировали развитие новой тактики. И уже весьма скоро степные соседи казахов стали воспринимать тюркских кочевников Дашт-и Кипчак как мастеров пешего боя. Характерна в этой связи характеристика, данная калмыцким тайшой Доржи Назаровым своим казахским противникам в 1724 г.: «...киргиз-касаки, на лошадях биться плохи, а пеши – крепки»¹³.

Рассмотрим основные тактические приемы казахов при ведении оборонительного и наступательного боя в пешеходных порядках.

Ведение боя в обороне ¹⁴

Комплексный анализ вещественных, изобразительных, письменных и фольклорных источников позволяет выделить два основных способа ведения оборонительного боя казаками в пешем строю. В первом случае казахские воины действовали, опираясь на естественный рельеф местности и взаимодействуя с конными отрядами. Во втором случае ядром оборонительных позиций являлись различные виды подвижных и стационарных полевых укреплений.

Специфика огнестрельного оружия эпохи позднего Средневековья и раннего Нового времени стимулировала развитие тактических схем ведения боя «от обороны». Массированное применение ружей и полевой артиллерии позволяло остановить вражескую атаку и создать условия для контратаки собственной конницы и пехоты, вооруженной холодным оружием. Низкая скорострельность и меткость ружейной стрельбы побуждала военачальников Евразии применять развернутые построения и принцип сменяемости шеренг. От выполнявших эти маневры солдат требовались дисциплина и высокая выучка, которая достигалась путем регулярных тренировок. Аркебузирова и мушкетерова «страховали» пикинеры и кавалерийские подразделения. Успех сражения во многом зависел от эффективности взаимодействия ружейных стрелков, пикинеров, конницы и полевой артиллерии. Классический вариант данной тактики сложился в Западной Европе XVI–XVII вв. Схожие тактические схемы применялись полководцами Японии и Китая XVI в. В конце XVII – первой половине XVIII в. ее периодически использовали джунгарские военачальники ¹⁵. А вот в Казахской степи данная тактическая схема не прижилась.

Для организации сложных маневров и перестроений отрядов мушкетерова, копейщикова и конницы требовались регулярные воинские учения, целенаправленная работа командиров по «боевому слаживанию» различных подразделений в составе армии, высокая дисциплина и специфическая военная организация. Добиться соблюдения этих условий на фоне слабеющей власти ханова, мощных центробежных тенденций и сохранения традиционной военной организации было исключительно сложно. Основным элементом коллективной боевой подготовки казахских воинов в рассматриваемый период была барымта – узаконенная традицией отгон скота и захват имущества других родов. Однако в барымте участвовали

относительно небольшие конные отряды молодых добровольцев, а ружья, как правило, не применялись. Знаменитые массовые облавные охоты, в ходе которых кочевники традиционно отработывали приемы воинского взаимодействия, в XVII–XIX вв. практически совершенно ушли в прошлое. Известное распространение получила охота с применением огнестрельного оружия (рис. 1, 8). Но велась она индивидуально или небольшими охотничьими коллективами, состоявшими, как правило, из членов одной семьи или одного рода. Таким образом, эффективного механизма обучения приемам ведения оборонительного боя в пешеходных порядках на общармейском уровне в Казахстане рассматриваемого периода не существовало. Казахские армии XVII–XIX вв., как правило, состояли из немногочисленных дружин ханских и султанских теленгитов и массового народного ополчения. Последнее формировалось из ополчений различных казахских родов. Внутри таких отрядов боевое взаимодействие находилось на достаточном уровне, но между собой они взаимодействовали слабо. Не удивительно, что в условиях отсутствия системы «боевого слаживания» на общевойсковом уровне казахские военачальники, решавшиеся на ведение больших полевых сражений, в развернутых построениях, нередко терпели поражение.

Развернутые построения пешеходных ружейных стрелков на открытых пространствах Дашт-и Кипчак были эффективны при наличии мощного прикрытия в виде полевой артиллерии, конницы и (или) спешенных копейщиков. Лишенные такой поддержки стрелки нередко становились жертвой стремительного натиска противника. Так, например, в ходе Аягозского сражения (1717) казахские «фузилеры» не выдержали фронтальной атаки копейной джунгарской конницы: «...приехали множество калмыков и напали на их войско вдруг и они-де, казаки, стреляли по ним из фузей и калмыки-де напали на них с копья жестоко, и они-де, не стерпя того, побежали все...»¹⁶ Тремя годами позже казахские стрелки были опрокинуты решительной атакой спешенных яицких казаков: «И сентября в 7-м числе рано учинился у них, казаков, с ними, киргисцы, бой огненной и бились с первого часу до полудни конным боем. А с полудня, усмотря они, казаки, что их много ранят, спешась с лошадей, пошли на них пехотою и их, киргисцев, на месте побили с триста человек да и в полон взяли было живьем с пятьдесят человек и тех всех покололи, и достальные киргисцы от них побежали,

за которыми они гнали до вечера...»¹⁷ Сравнивая пехотную тактику уральских и сибирских казаков и казахов Среднего жуза, генерал-майор Г.М. Броневский отмечает, что последние не могут выдержать пехотного удара наступающих в правильном строю уральцев и сибирцев: «Козаки в стычках с ними всегда стараются меткими выстрелами останавливать стремление, и потом самым стройным фронтом идут в атаку: успех удара козаков несомнителен. Преимущество сих последних над Киргизами столь велико, что они один против десяти, смело идут». Негативную характеристику оборонительной тактике казахов в полевом сражении дал А.И. Левшин (1832): «Если же принуждены бывают спешиться, то совсем не могут защищаться»¹⁸.

Намного более эффективно казахские стрелки могли обороняться, используя рельеф местности – укрывшись за скалами, укрепившись на гребнях холмов, опушке леса и т. д. (рис. 4). Во время боев в поселениях и в пригородах казахские воины применяли для защиты стены домов, заборы, стволы садовых деревьев¹⁹. Выбить их из-за этих укрытий было весьма не просто. В условиях ведения боя на пересеченной местности казахи могли действовать не в едином строю, а упомянутыми выше отдельными небольшими отрядами, собранными по родовому принципу. Внутри таких отрядов воины хорошо знали друг друга, система взаимодействия между ними была отработана в ходе барымты и военных набегов. В рамках таких небольших подразделений могли применяться и достаточно сложные перестроения стрелков. В целом преобладала одиночная прицельная (по отзывам российских офицеров, весьма точная) стрельба по готовности, но практиковался и залповый огонь, под которым иногда смешивали ряды даже регулярные части императорской линейной пехоты²⁰. Судя по данным иконографии середины XVIII в., применялась и тактика сменяющих друг друга шеренг наподобие европейского «караколе». Стрелки располагались в несколько рядов. Стрельба велась двумя первыми шеренгами: первый ряд стрелял с колена, второй в полный рост. Закончив стрельбу, воины отходили назад и перезаряжали ружья, уступая место стрелкам задних шеренг (рис. 1, 3; 2; 4). По мнению российских офицеров, в рамках таких родовых отрядов казахи действовали значительно более уверенно и эффективно, чем в развернутых построениях в составе большой армии.

Для повышения устойчивости пеших подразделений в обороне казахские полководцы активно применяли различные виды полевых укреплений. Некоторые из них («вагенбург», окопы, траншеи) имеют аналоги в военном искусстве Европы. Другие («верблюжья крепость») характерны именно для Великой степи. Рассмотрим казахские полевые укрепления и соответствующие им тактические приемы подробнее.

Вагенбург («Арбалардан жасалган камал»²¹). Чешская воинская тактика, основанная на применении «тележных крепостей» («вагенбург») из связанных между собой телег с высокими бортами, за которыми укрывались стрелки и артиллеристы, оказалась весьма эффективной в ходе европейских военных кампаний XV в. Уже в том же столетии ее переняли и эффективно применили против своих восточных противников турки-османы, после чего несколько видоизмененная тактика чешских «таборитов» начала победное шествие по Азии. На мусульманском Востоке она получила название «румской» («Дестур-и Руми»). Уже в первой половине XVI в. передвижные «вагенбурги» активно применяли воины Передней и Средней Азии²². Блестящие победы Тимурида З. Бабура в Индии этого периода были во многом связаны с умелым применением «вагенбургов». Судя по описаниям самого Бабура, его «крепости на колесах» состояли из соединенных кожаными ремнями телег. Пространство между ними закрывалось деревянными щитами, за которыми укрывались ружейные стрелки²³.

Сведения о применении «вагенбургов» в Мавераннахре и Дашт-и Кипчак относятся в основном ко второй половине XVI в. Интересно, что «гарнизон» узбекского вагенбурга в 1576 г. был укомплектован воинами-кочевниками, вооруженными огнестрельным оружием: «Они прикрепили крепкими цепями, прочными канатами огромное число телег, которые еще раньше собрали с вилайетов Дашта (Дашт-и Кипчака), Туркестана, Сабрана, Ташкента, Андижана, Касана и установили их перед боевыми рядами. В них устроилось много стрелков из ружья (туфанг), бесчисленное множество стрелков из лука.

Величественные степняки, сидящие на телегах,
Выступили, словно сто гор Альванд,
Арбы, будто сделанные из дерева кони,
На них степняки, словно дети, сидящие на конях.
На этом ристалище, казалось, шахматисты,

Сделали много слонов из дерева.
На телегах герои с ружьями в руках,
Напоминающими хобот опьяненных слонов.
Сидящие на телегах-все мстители время,
Напоминающие детей, вновь устроившиеся в колыбели»²⁴.

В отличие от Западной и Южной Азии, тактика «вагенбургов» не получила широкого распространения в Дашт-и Кипчак. Причина этого, на наш взгляд, кроется в специфике театра военных действий и особенностях технологического обеспечения самой тактической схемы. Для эффективного применения «вагенбурга» требовались массивные телеги с толстыми и высокими бортами, а так как легкие среднеазиатские двухколесные арбы не являлись адекватной заменой, то Бабуру и его преемникам приходилось специально изготавливать «боевые телеги» («лафеты») накануне сражений²⁵. Армия, снабженная тележным «вагенбургом», в условиях степного бездорожья передвигалась очень медленно, давая противнику шанс перегруппироваться или уйти из-под удара. Поломка колесной базы телег, в условиях безлесой степи, грозила длительным ремонтом с трудно прогнозируемыми последствиями. Не удивительно, что большинство военачальников, действовавших на степном театре боевых действий, предпочитали перевозить грузы и оружие (в том числе пушки) не на повозках, а на конях и верблюдах. В этих условиях современникам более эффективной представлялась тактика «живых крепостей», которая будет рассмотрена ниже.

Окопы («ор»). Применение окопов и траншей в Центрально- и Среднеазиатском регионе было ограничено особенностями театра боевых действий, спецификой вооружения и тактики ведения боя. В степи окопы как полевые укрепления в целом были не особенно эффективны. Конница противника могла легко обойти их с флангов, зайти с тыла, блокировать и атаковать окопавшихся воинов с разных сторон. Наиболее востребованы окопы и траншеи оказывались при осаде укрепленных поселений противника. Узбекские военачальники середины XVI–XIX вв. окружали вражескую крепость сетью окопов («мурджил») и траншей, которые старались подвести максимально близко к стенам цитадели вплоть до замкового рва²⁶. Если это удавалось, то существенно облегчало штурм и позволяло саперам («наккабан») вырыть подкопы под крепостные стены и башни. Однако, как показала воинская практика XVI–XVII вв.,

окопы могли достаточно эффективно применяться также и в полевых сражениях (рис. 1, 6) при условии, что битва разворачивалась на пересеченной местности или в горах²⁷. Перекрытый окопами с огнестрельной пехотой горный проход становился труднопреодолимым препятствием даже для хорошо вооруженной и многочисленной вражеской конницы. Классическим примером такой тактики стало «Джангирово побоище» (1643), также известное под именем «Орбулакская битва». Судя по описанию современников, сражение проходило в узком горном проходе («меж каменеем»). Засевшие в окопах («шанцах») триста казахских батыров остановили ружейным огнем лобовой натиск многотысячной джунгарской конницы, в то время как укрывшийся за скалами отряд султана Джангира (300 воинов) атаковал ойратов с тыла. Подошедшая к месту битвы казахско-узбекская армия Жалантоса (Ялантуша) вынудила джунгар прекратить атаки и оставить поля боя. Отдельные примеры применения окопов в полевых сражениях встречаются в военной практике казахов и в более поздний период, вплоть до середины XIX в.

Появление «окопной тактики» в арсенале воинских приемов казахов, вероятно, следует связывать с влиянием военного искусства Мавераннахра, воины которого активно применяли окопы и траншеи в ходе сражений XVI в. Несмотря на ряд побед, достигнутых благодаря умелому применению окопной тактики, она имела в казахском военном искусстве XVII–XIX вв. ограниченное применение. На рытье окопов требовалось значительное время, которого часто не хватало в ходе динамичных степных сражений. Кроме того, для качественного обустройства данного вида земляных укреплений требовался соответствующий рабочий инвентарь (лопаты, кирки и т. д.), который часто отсутствовал в легких казахских отрядах, предпочитавших действовать без больших обозов.

«Живая крепость» («Жанды камал»). Одним из самых популярных тактических приемов казахских кочевников XVIII в. при ведении оборонительного боя в пешеходных порядках был «Жылкылардан жерге жатқызылған шенбер» («Круг из положенных на землю лошадей») и «Түйе камалы» («Верблюжья крепость»). Для организации этой «живой крепости» требовалось стреножить лошадей и верблюдов, положить их на землю, образовав огромный круг – «шенбер» (реже применялись построения в виде овала или квадрата). Тела животных могли покрываться специальными деревянными

щитами, войлоком, тюками и т. д. При наличии фронтального, тылового или флангового прикрытия в виде скал, леса, реки вместо круга могли применяться его элементы (полукруг, полуовал, линия и т. д.). Количество лошадей и верблюдов, составляющих «живые стены», могло колебаться от нескольких десятков до нескольких тысяч голов. Так, например, джунгарская «верблюжья крепость» в сражении при Улан-Бутун состояла из 10 тысяч верблюдов. Иногда для защиты применялись тела убитых животных, поверх которых оборудовали земляной бруствер. За спинами лошадей и верблюдов укрывались ружейные стрелки и лучники.

Факты применения кочевниками «живых крепостей» многократно упомянуты российскими, цинскими и среднеазиатскими авторами XVI–XIX вв. До нашего времени дошли уникальные изображения «Жанды камал» датированные серединой XVIII в. (рис. 2; 3). Описания боя с применением «защиты из лошадей» встречаются и в казахском фольклоре. Например, в «Песне об Аблае»:

Многочисленные кунгратские мергены (стрелки. – Л. Б.),

Все они быстро и ловко

Установили на коленях фитильные ружья,

Зарядили их пулями,

Устроили защиту из коней,

Вытряхнули патронные сумки.

И вот началась пальба²⁸.

«Живая крепость» была излюбленным тактическим приемом казахских воинов, участвовавших во «внешней барымте» – набегах на иноэтнических кочевых и оседлых соседей. В ходе стремительного нападения на поселения противника казахи захватывали многочисленные трофеи, в число которых наряду с ценным имуществом входили скот и пленники. Как правило, соплеменники подвергшегося нападению народа организовывали преследование барымтачей и нередко им удавалось настичь находников. Тут-то и наступало время «Жанды камал». Обнаружив преследование со стороны превосходящих сил противника, барымтачи быстро создавали защитный круг из положенных на землю лошадей и верблюдов. Лучших коней, трофеи и пленников помещали в центр импровизированной крепости. Так, например, в 1726 г., когда 20-тысячная калмыцкая конница настигла казахских барымтачей, последние, «...видя калмыцкую превосходную силу, принуждены и на безводном месте остановиться и для защищения своего с четырех

сторон обрывать землю и, перерезав верблюдов, лошадей и рогатый скот, обкладываясь на подобие вала и от калмык отстреливались, а добычу свою, состоящую в людях и скоте, имели в середине своего стану»²⁹.

Прорвать оборону и захватить «Жанды камал» было крайне сложно. Любой, кто попытался бы атаковать казахов, должен был вначале преодолеть открытое, простреливаемое пулями и стрелами, пространство шириной около 100–200 м, затем перелезть «вал» в виде сотен убитых и живых лошадей и верблюдов и только после этого сойтись в рукопашной с хорошо вооруженными степняками. Попытаться взять штурмом свернувшийся «в клубок» отряд барымтачей – значило пойти на большие жертвы. Тем более что захваченные пленники использовались находчиками в качестве заложников³⁰. Как правило, атакующие отказывались от прямого штурма, и сражение превращалось в длительную перестрелку с применением луков и ружей. В этих условиях преимущество имели осажденные, укрытые от оружия противника телами коней и верблюдов.

Обороняться в «живой крепости» было непросто в первую очередь психологически. Рев раненых верблюдов, ржанье умирающих и бьющихся в агонии лошадей, запах испражнений и быстро разлагающихся под жарким степным солнцем трупов – все это было непростым испытанием для обороняющихся воинов. Некоторым нашим современникам такой способ ведения боя покажется варварством, но следует помнить, что в условиях реальных боевых действий XVIII–XIX вв. он был достаточно эффективен. Пули и стрелы противника вязли в телах животных и не наносили существенного вреда укрывшимся за ними стрелкам. При наличии запаса воды и боеприпасов обороняющиеся могли держать оборону в течение нескольких дней. В большинстве случаев после длительной перестрелки атакующая сторона шла на переговоры либо осажденным приходила помощь извне. В крайнем случае укрывшиеся в «Жанды камал» воины могли, бросив имущество, трофеи и пленных, прорываться из окружения с боем. В эпоху позднего Средневековья и Нового времени тактику «живых крепостей» использовали узбеки³¹, казахи, джунгары и другие народы Великой степи. В случае необходимости ею не брезговали и русские солдаты, принимавшие участие в военных кампаниях против среднеазиатских государств в середине XIX в.³²

К сильным сторонам «Жанды камал» относилась скорость ее возведения, отсутствие необходимости в дополнительных материалах, транспортировка которых могла замедлить движение отряда, а также достаточно высокая боевая эффективность в столкновении с противником, вооруженным ружьями и луками.

Однако нашлось оружие, оказавшееся весьма эффективным в борьбе с «живыми крепостями». Таким оружием стала перевозимая на верблюдах легкая полевая артиллерия. Дальность стрельбы из орудий значительно превосходила дальность ружейной стрельбы. Применяющая пушки сторона могла спокойно расстреливать «Жанды камал», находясь на безопасном расстоянии от пуль и стрел осажденных. В Узенинском сражении (1724) калмыки впервые «штурмовали из пушек» казахско-каракалпацкую «живую крепость» и вынудили барымтачей идти на срочный прорыв окружения, в ходе которого практически весь отряд находников был уничтожен³³. Данная тактика борьбы с «живыми крепостями» активно применялась калмыками и в последующих сражениях с казахами в первой половине XVIII в. Точно такой же прием был использован цинскими войсками в сражениях с отрядами уйгуров, казахов и киргизов в середине XVIII в. (рис. 3). Однако применение артиллерии не всегда гарантировало победу осаждающим. Наибольшую сложность вызывала борьба с большими «живыми крепостями», состоящими из тысяч лошадей и верблюдов. Так, например, цинская артиллерия не сумела разрушить огромную джунгарскую «верблюжью крепость» в сражении при Улан-Бутуне (1690). А в 1741 г. в ходе многодневного сражения калмыкам не удалось полностью разгромить обороняющуюся 30-тысячную армию казахов³⁴.

«Живые крепости» продолжали применяться кочевниками вплоть до XX в. Их популярность была обусловлена слабым распространением артиллерии в регионе и наличием многочисленного конского или верблюжьего парка, из которого в случае необходимости можно было быстро «возвести» «живые полевые укрепления».

Ведение боя в наступлении

Если при ведении оборонительного сражения казахи XVIII–XIX вв. спешивались относительно охотно, то атака в пешем строю применялась значительно реже. Сходить с коней степняков вынуждала все возрастающая мощь огнестрельного оружия.

В отличие от своих европейских и китайских современников, спешившиеся казахские стрелки XVIII – первой половины XIX вв. предпочитали наступать не в плотных шереножных, а в разряженных построениях, напомилавших цепи европейской пехоты конца XIX–XX вв. Движение осуществлялось перебежками, от укрытия к укрытию. Бросившись на землю, казахский воин перезаряжал ружье и совершал выстрел из положения лежа или с колена (рис. 1, 9). Ставка обычно делалась не на скорострельность, а на точность попадания. Таким образом, тактика казахских стрелков в наступлении, по европейской классификации XIX в., напоминала скорее приемы снайперов-егерей, чем традиционный развернутый строй линейной пехоты.

В ходе атаки степняки пытались охватить построения противника и нанести максимальный урон его живой силе с помощью ружейной стрельбы, не доводя сражение до рукопашной схватки. Яркое описание данной тактики дал англичанин Д. Кэстль, посетивший кочевья хана Младшего жуза Абулхаира в 1735–1737 гг.: «Оборона или нападение у казахов не являлись всенародным делом. В походах участвуют мужчины и, в первую очередь, молодежь. На войне казахи стараются окружить неприятеля и, когда нужно, спешившись, они “ползут” к нему, как при ловле животных, при этом метко стреляют. На войне молодежью обычно командуют старшины, выполняя приказы хана. Символом единства и равенства войска были знамена, привязанные к пикам или древкам». Такой прием ведения боя был максимально эффективен в столкновении с противником, придерживающимся сугубо оборонительной тактики. Неожиданная контратака конницы или пехоты противника представляла значительную угрозу для пеших казахских стрелков. Поэтому наступающих туфакандазов в сражении прикрывали спешившиеся копейщики и большие массы конницы.

Наряду с разряженным (разомкнутым) строем казахские полководцы иногда применяли и сомкнутые построения, в которых ружейные стрелки взаимодействовали с пешими копейщиками. Этот тактический прием использовался в ходе встречного боя с пехотными и кавалерийскими отрядами противника, а также при прорыве окружения. Так, например, в 1847 г. К. Касымов предлагал своим военачальникам вырваться из окружения киргизских отрядов в пешем строю, имея впереди 500 ружейных стрелков, а за ними пеших пикинеров: «...заколите лошадей и мясо заколотых

навьючим на двадцать лошадей, которые и повезут провизию. При отступлении с одной стороны у нас будет р. Чу, а на прочие три стороны мы обратим пятьсот ружей. За отборными джигитами мы пойдем с пиками в руках. Никто не сможет разбить пеших, храбро сражающихся и вооруженных пятистами ружей»³⁵. Задача стрелков заключалась в нанесении максимального урона противнику в ходе дистанционного боя. Если враг устремлялся в контратаку, то вперед выдвигались пешие копейщики (рис. 1, 4ж, 11) и перед строем стрелков завязывались кровавые схватки пикинеров. В представлении нашего современника эта картина более соответствует военному искусству Западной Европы или Японии XVI–XVII вв., однако она была не чужда и военной практике народов Центральной и Средней Азии XVII–XVIII вв. Так, например, символическая схватка казахских и джунгарских копейщиков перед строем ружейных стрелков и лучников³⁶ изображена на моренной глыбе в долине р. Чаган (Горный Алтай), датированной второй половиной XVII – серединой XVIII вв. (рис. 1, 4). Точно не известно, когда казахские военачальники стали применять спешенных копейщиков в ходе сражений. Большинство свидетельств относится к XVIII–XIX вв. Однако изображение колонны пеших пикинеров-кочевников (казахов?) на степном разделе карты Средней Азии А. Дженкинсона датируется второй половиной XVI в. (рис. 1, 7).

Из всех степных народов Центральной и Средней Азии наступательную тактику стрелков в пешем строю, действующих при поддержке пикинеров и конницы, наиболее эффективно применяли джунгарские полководцы конца XVII – середины XVIII вв. В сражении у оз. Олгой в 1688 г. огнестрельная джунгарская «пехота», наступающая под прикрытием конницы, наголову разгромила многотысячные ополчения ханов Восточной Монголии. В сражении у Дзун-Мод в 1696 г. джунгарские ружейные стрелки нанесли страшный удар по центру цинской армии. В 1715 г. в сражениях под Ямышевской крепостью русским войскам стоило немалых усилий сдерживать наступательный порыв джунгарской «пехоты». В ходе боев цинской армии с джунгарами в середине XVIII в. ойратские колонны ружейных стрелков и копейщиков доставляли большие проблемы имперскому командованию³⁷.

Что касается казахских военачальников, то они предпочитали действовать максимально осторожно и выверенно. Имея выбор – осуществить атаку в конных или пеших построениях – они, как

правило, выбирали бой верхом. Атаку в пешем строю предпочитали вести накоротке, под прикрытием крепостных стен, ружейного или пушечного огня. Во время осады Туркестана в 1864 г. казахский отряд из ста воинов совершил ночную вылазку в пешем строю, выбил противника из траншей, захватил 30 ружей и шанцевый инструмент³⁸. Спустя несколько дней 200 казахов повторили вылазку, причем пешие воины атаковали противника с саблями и навязали ему рукопашную схватку³⁹. Казахские отряды, действовавшие в составе кокандской армии, также спешивались во время сражений, причем кокандские полководцы доверяли казахам атаковать в первых рядах наступающих войск⁴⁰. Меткая стрельба казахов в пешем строю представляла значительную угрозу не только для воинов азиатских армий, но даже для российских казаков⁴¹.

Наступление под прикрытием «манталетов». В результате развития огнестрельного оружия постоянно увеличивалась прицельная дальность и скорострельность ружейной стрельбы. Особенно быстро этот процесс пошел после широкого внедрения в войсках европейских держав нарезного оружия. В этих условиях атаковать противника в конном строю было все более и более опасно. Однако и приблизиться к его построениям в условиях беглого и залпового огня из нарезных винтовок было очень сложно. В столкновениях с русскими линейными войсками и казаками мятежные казахские султаны первой половины XIX в. стали применять передвижные полевые укрепления-«манталеты», представлявшие собой двухколесные арбы, нагруженные большими связками травы, кустарника, камыша и т. д. Иногда арбы дополнительно усиливались специальными деревянными щитами. За «манталетами» укрывались спешившиеся ружейные стрелки и лучники. В ходе сражения казахские воины толкали арбы перед собой, подбираясь максимально близко к русским позициям. Пули вязли в травяных связках, не причиняя значительного вреда наступающим. В непосредственной близости от российских позиций степняки выскакивали из-за укрытий и открывали пальбу с близкой дистанции. Судя по отзывам офицеров царской армии, этот прием казахов был достаточно опасен для обороняющихся войск. Согласно сообщениям султана Садыка, «тактика манталетов» применялась К. Касымовым. Впоследствии, по рекомендации Садыка, она была перенята кокандскими военачальниками⁴².

Штурм укреплений противника. Об этой стороне военного искусства казахов сохранилось относительно мало сведений. Тем не менее, казахским военачальникам периодически приходилось осаждать и брать штурмом укрепленные пункты противника – от небольших полевых укреплений до горных крепостей. Так, например, ключевым событием Аныракайской битвы (1730) был захват джунгарского форпоста «Калмак тебе», представлявшего собой квадратную кирпичную цитадель 50 на 50 м с высотой стен более 2 м, с контрфорсами по углам⁴³. В 1747 г. 30-тысячная казахская армия осаждала и взяла штурмом «глиняную» крепость, которою обороняли аралыцы и каракалпаки. После длительного ружейного обстрела казахи ринулись врукопашную: «...со обеих сторон дрались, сперва, огненным ружьем двенадцать дней, а в тринадцатой день, по совету Исет-тархана, пошли к городу приступом пеши и тот город сломили; причем друг з другом не токмо саблями, но уже и ножами резались»⁴⁴. В первой половине XIX в. казахи не без успеха осаждали кокандские крепости и укрепленные пункты. Иногда противник предпочитал сдаться, лишь убедившись в решимости казахов начать общий штурм укреплений⁴⁵.

Для осады вражеских полевых укреплений применялись оригинальные воинские приемы. Так, например, в ходе сражения на р. Аягоз (1717) «калмыки, нарубя лесу, сделали деревянный вал и сели в осаду». Стремясь избежать больших потерь при штурме укреплений, казахские военачальники сделали свой вал, превышающий джунгарский высотой и позволявший вести стрельбу по противнику сверху вниз⁴⁶.

Выводы

Казахские номады первыми среди кочевых народов Центральной и Средней Азии стали массово применять ручное огнестрельное оружие. Распространение фитильных и, в меньшей степени, кремневых ружей в казахских войсках привело к значительным изменениям традиционной воинской тактики кочевников Дашт-и Кипчак. В частности, резко возросло значение боя в пеших порядках.

В то же время распространение пехотной тактики не привело к появлению у кочевников пехоты как отдельного и самостоятельного рода войск. Как и прежде, вся армия номадов состояла исключительно из всадников. Однако часть из них спешивалась непосредственно перед началом боя и вела его в пехотном строю.

В случае необходимости (при отступлении или преследовании противника) пешие стрелки немедленно возвращались в седла, забрасывали ружья за спину и вступали в сражение вооруженными – луками, пиками, саблями и боевыми топорами (рис. 5). Превращение всадников в «пехотинцев» и обратно происходило очень быстро. Причем иногда за время сражения, в зависимости от текущих боевых задач, воины по несколько раз спешивались или садились на коней, попеременно выполняя функции то пеших ружейных стрелков, то копейщиков-кавалеристов (рис. 1, 9, 10; 5). Сочетание мобильности и умения вести бой в пехотных порядках делали казахские войска опасным противником для их соседей в Средней Азии.

Казахские военачальники активно экспериментировали с различными типами боевых построений, применяя к местным военным реалиям и степному театру боевых действий тактические новинки оседлых народов. Некоторые из них, в силу различных причин, не прошли проверку временем и боевой практикой («вагенбург», развернутые линейные построения). Другие получили ограниченное распространение (окопная тактика, «манталеты», применение отрядов спешившихся копейщиков).

К началу XVIII в. сложились основные тактические схемы ведения пешего боя, оптимально соответствующие оружейному комплексу и военной организации казахов. К их числу можно отнести ведение оборонительного боя мобильными отрядами пеших ружейных стрелков, использующими в качестве защиты естественные складки местности, а также применение «живых крепостей» из положенных на землю коней и верблюдов. В ходе боя казахские мушкетеры предпочитали разреженный строй. Ставка делалась не на скорость, а на меткость стрельбы. При необходимости применялась шереножная стрельба залпами и «караколе». Главным партнером туфакандазов выступали конные отряды лучников и копейщиков.

Данные тактические схемы в целом соответствовали общему уровню развития военного искусства народов Центральной и Средней Азии последней трети XVI–XVIII вв. и позволяли казахам одерживать победы над своими кочевыми и оседлыми соседями. Применение казахами огнестрельного оружия и новой военной тактики стимулировало развитие военного искусства других народов Великой степи: джунгар, волжских калмыков, киргизов,

башкир, каракалпаков. Некоторые элементы казахского оружейного комплекса и тактики были заимствованы яйцкими (уральскими) казаками (стрельба с применением сошек, «живые крепости» и т. д.).

Слабость центральной власти не позволяла казахским ханам вести масштабные завоевательные войны. Заграничные походы казахских войск, как правило, превращались в военные набеги, не приводившие к присоединению новых территорий. Однако специфическая военная организация, выверенная тактика ведения боя и массовое применение огнестрельного оружия позволяли казахам долгое время достаточно успешно противостоять иноземным вторжениям.

Необходимо отметить половинчатый характер казахских военных «реформ». Внедрение в войсках ручного огнестрельного оружия и новой тактики не сопровождалось соответствующими изменениями в системе военной организации, комплектовании и обучении казахских армий. Несмотря на рост значения пешего сражения и имидж мастеров пешей схватки, казахские воины вплоть до середины XIX в. предпочитали вести бой в конном строю. Пехотная тактика разнообразила и совершенствовала военное искусство кочевников Дашт-и Кипчак, но не привела к коренному слоому многотысячелетней военной традиции. По мере развития центробежных тенденций и децентрализации Казахского ханства замедлялся процесс поступательного развития военного искусства кочевников Дашт-и Кипчак. Если в первой половине XVII в. казахи превосходили джунгар по степени оснащённости огнестрельным оружием и применяли инновационные для региона схемы ведения боя, то уже в конце того же столетия ситуация кардинально поменялась. Джунгары организовали собственное массовое производство фитильных ружей, пушек и боеприпасов, освоили новые тактические приемы. Во второй половине XVIII – первой половине XIX вв. в узбекских государствах начался процесс формирования регулярных армий, что сразу же сказалось на боеготовности среднеазиатских войск и позволило Кокандскому и Хивинскому ханству перейти к планомерной экспансии в Дашт-и Кипчак.

К числу слабых сторон военного дела казахов последней трети XVI–XVIII вв. следует отнести отсутствие специализированной систематической военной подготовки воинов и практически полное отсутствие полевой артиллерии. В условиях военного

противоборства с народами Центральной и Средней Азии эти проблемы, хотя и периодически проявлялись, но не приводили к катастрофическим последствиям. Однако столкновение казахского ополчения с регулярными войсками Российской империи со всей яркостью продемонстрировало уязвимые стороны традиционного военного искусства кочевников Дашт-и Кипчак по сравнению с «военной машиной» европейского типа.

Знакомство казахов с передовым европейским военным искусством (в его российском варианте) стимулировало дальнейшее развитие пехотной тактики номадов в первой половине XIX в. При условии наличия сильной власти войскового командира и соответствующей боевой подготовки (например, в отрядах Кенесары и Садыка) казахи могли в отдельных боевых эпизодах практически на равных противостоять регулярным линейным и казачьим отрядам. Однако в большинстве случаев ополченцам было сложно выдержать прямое огневое соприкосновение с регулярными войсками, активно использующими артиллерию и ракетные станки. В этих условиях закат традиционного военного искусства кочевников Средней Азии как самостоятельного военно-исторического феномена был неизбежен. Вхождение казахских жузов в состав Российской империи открыло новую страницу в истории казахского народа и его вооруженных сил.

Иллюстрации

Рис. 1. Изображения воинов Средней Азии XVI–XIX вв. (1–8) и реконструкций казахских ружейных стрелков и копейщика первой половины XIX в.

1, 2. Изображения ружейных стрелков на памятниках Казахстана XIX в.

3. Казахские, киргизские и уйгурские ружейные стрелки с цинской картины «Битва при Ешилькуль» (середина XVIII в.). Музей Гугун, Пекин, КНР

4. Изображение пешего казахского копейщика (ж), джунгарских и алтайских воинов (з–н) на моренной глыбе в бассейне р. Чаган (Горный Алтай), конец XVII–середина XVIII вв. (по Д.В. Черемисину)

5. Пеший ружейный стрелок и прикрывающий его копейщик. «Хамса» Навои, Бухара, 1648 г. РНБ, Санкт-Петербург

6. Стрелок, ведущий огонь из окопа. «Хамса» Навои, Бухара, 1648 г. РНБ, Санкт-Петербург

7. Колонна воинов-кочевников Средней или Центральной Азии. «Карта

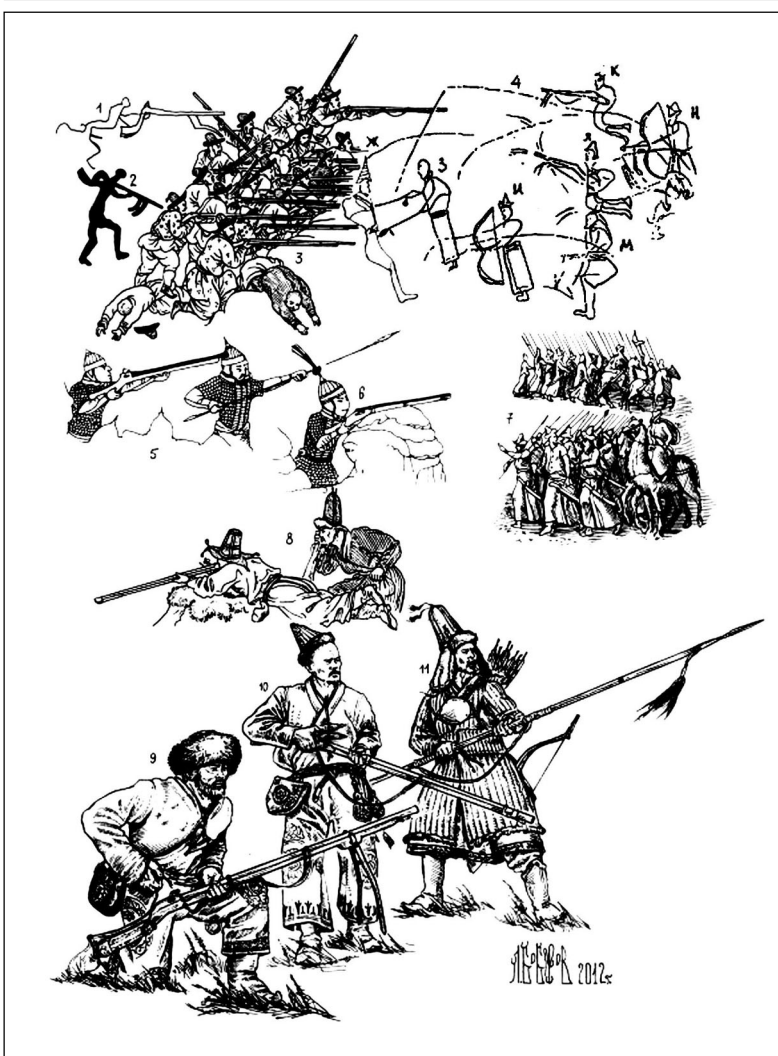

Рис. 1

Московии и Тартарии» Антония Дженкинсона, 1562 г. или 1579 г. РНБ, Санкт-Петербург

8. Казахские стрелки на охоте. «Киргизская беркутовая охота», А.П. Орловский, 1811 г.

9. Казахский воин-ополченец первой половины XIX в. Реконструкция Боброва Л.А. по материалам музейных и частных собраний РФ, РК, КНР и иконографии XIX в.

На голове стрелка шапка с меховой опушкой («берик»). Полы «шапана» заправлены в широкие, украшенные вышивкой, замшевые штаны («шалбар»). Кожаные сапоги на высоком каблуке. Воин вооружен фитильным ружьем среднеазиатского производства («милтик») с длинным стволом, изящным изогнутым прикладом и погонным ремнем. К деревянному ложу прикреплены парные сошки, которые перед выстрелом стрелок воткнет в землю (это позволит повысить точность стрельбы). К кожаному поясу подвешена ружейная сумка («киса»), мешочки для пуль («окшынтай») и нож в ножнах. Поверх пояса намотан матерчатый кушак. Нашейный бандельер представляет собой ремешок с роговыми мерками для пороха. После того как воин прикрепит к курку фитиль из специального «кошелька» на прикладе ружья, насыплет порох на полку и разожжет фитиль, он сможет произвести выстрел из положения с колена или лежа.

10. Казахский стрелок из отряда султана Садыка середины XIX в. Реконструкция Боброва Л.А. по материалам музейных и частных собраний РФ, РК и иконографии XIX в.

Чтобы не мешать воину вести пеший бой, полы «шапана» заправлены в «чалбары». На голове характерная для первой половины столетия коническая стеганая шапочка с меховой опушкой. Казах вооружен трофейным капсульным ружьем с погонным ремнем, но продолжает носить нашейный бандельер, традиционный «ружейный» пояс с мешочками для пуль («окшынтай») и сумкой «киса».

11. Спешенный казахский копейщик-«батыр» конца XVIII – первой половины XIX вв. Реконструкция Боброва Л.А. по материалам музейных и частных собраний РФ, РК и иконографии XIX в.

На голове батыра знаменитая казахская воинская шапка «малакай» с наlobником, широкими наушниками, назатыльником и очень высокой цилиндрической тульей, украшенной парой кисточек на шнурках. Такой головной убор не только согревает владельца, но и защищает от сабельных ударов. Поверх «шапана» воин носит стеганую шубу «купи» с осевым разрезом, зеркальный доспех из четырех железных пластин круглой формы («чар айна») и пластинчатый пояс. Подбитая верблюжьей шерстью «купи» выполняет функцию «мягкого» панциря. «Чар айна» из круглых пластин и защитный пояс в XIX в. наиболее активно применялись в Тибете, но использовались также воинами Восточного Туркестана и Казахстана. Вооружение батыра состоит из саадака и длинной, украшенной бунчуком, пики с граненым наконечником. Можно предполагать, что к седлу коня батыра (как и других казахских воинов) приторочен боевой топор «айбалта»

с месяцевидным лезвием и длинной, усиленной железными полосами, рукоятью.

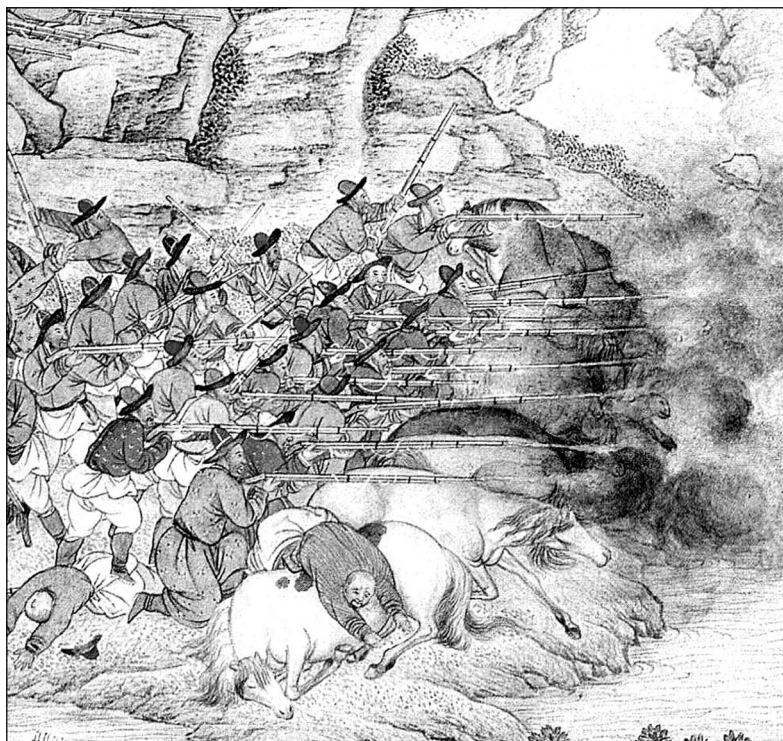

Рис. 2. Фрагмент цинской картины середины XVIII в. «Битва при Ешилькуль» (фрагмент).

Казахские, киргизские и уйгурские ружейные стрелки ведут дистанционный бой, укрывшись за спинами положенных на землю коней. Стрельба ведется двумя первыми шеренгами. Первая линия ведет огонь с колена, вторая – в полный рост. Закончив стрельбу, воины отходят назад и перезаряжают ружья.

Рис. 3. Фрагмент цинской картины середины XVIII в. «Битва при Ешилькуль» (фрагмент).

Цинские мушкетеры и легкая полевая артиллерия ведут огонь по «живой крепости» («жанды камал») и укрывшимся на вершинах скал казахским стрелкам.

Рис. 3

Рис. 4. Фрагмент цинской картины середины XVIII в. «Битва при Ешилькуль» (фрагмент).

Казахские, киргизские и уйгурские ружейные стрелки ведут бой, закрепившись на гребнях скал.

Рис. 5. Казахский султан (слева) и батыр Младшего жуза XVIII в. Художественная научно-историческая реконструкция Боброва Л.А. по материалам музейных и частных собраний РК, РФ, изобразительным и письменным источникам.

Казахский султан. На голове знатного казаха – высокий, расшитый цветными нитями, «калпок» с широкими отогнутыми полями. Перед атакой его сменит цельнокованный сфероконический шлем с наносником и кольчатой бармицей. Полы халата, поддетого под кольчатый панцирь, заправлены в шаровары («шалбар»). Этот обычай был широко распространен среди кочевников Средней Азии и жителей Восточного Туркестана рассматриваемого периода. Данный способ ношения стал особенно актуален после того, как среди казахских воинов

Рис. 4

широкое распространение получило огнестрельное оружие. Подвернутые полы халата не мешали всаднику спешиваться и вести стрельбу из фитильного ружья с колена. Поверхность «шалбар» украшена вышивкой и аппликацией. Интересным элементом оформления кожаных сапог является высокий твердый каблук. Мода на подобные сапоги была широко распространена в казахских степях даже в XIX в.

Корпусное защитное вооружение султана состоит из кольчужной рубашки, зеркального доспеха и наручей. Кольчатый панцирь снабжен высоким стоячим воротником (для обеспечения необходимой жесткости

Рис. 5

полосы кожи протянуты сквозь кольчужные кольца). Облегчающий надевание кольчуги нагрудный разрез стянут кожаными ремешками. Широкие рукава спускаются ниже локтя. Зерцальный доспех по своей конструкции напоминает переднеазиатский «чар айна», но отличается от последнего формой железных пластин. Четыре железных диска (по одному на груди, спине и бокам) соединяются между собой парными кожаными ремнями. Для дополнительной фиксации доспеха на корпусе воина используется специальный нашейный ремень. Руки панцирника защищают створчатые наручи («голчак»). Каждый из них состоит из двух выгнутых железных пластин, прикрывающих руки от запястья до локтя. Пластины наручей соединены железными кольцами и кожаными ремешками. Внешняя сторона покрыта гравировкой. Тыльная сторона ладони покрыта специальным матерчатым сегментом, повторяющим форму рукавицы. Поверх матерчатой основы натянут кольчужный сегмент.

Вооружение султана представлено саадаком, фитильным ружьем, пикой, саблей и боевым топором. Традиционным оружием казахов было саадак, состоящий из лука в налуче и стрел в колчане. Султан использует классический сложносоставной лук «монгольского типа» с центральной веслообразной накладкой. Стрелы («ок») помещены

в украшенный тиснением кожаный колчан «курамсақ» характерной для Западной Азии 8-образной формы, но оформленный в соответствии со стилистическими вкусами кочевников Дашт-и Кипчак. За спину султан забросил фитильное ружье («мултук»), изготовленное в мастерских городов Мавераннахра. К ложу ружья прикреплены деревянные сошки с роговыми наконечниками. Стреляли из такого ружья спешившись. Чтобы повысить точность попадания, сошки распрямлялись и втыкались в землю. Стреляли обычно с колена или стоя (в последнем случае сошки такой длины не использовались). Иногда вели стрельбу лежа. Ружейные принадлежности крепятся к специальному «ружейному поясу». К кожаному ремню справа подвешена полукруглая «ружейная сумка» («киса»), слева – роговая пороховница. На длинных узких ремешках – мешочки для пуль («окшынтай»). В руках воин держит длинную пику («найза»). Железный наконечник снабжен длинным граненым пером – идеально приспособленным для пробивания кольчатого панциря противника. У втулки наконечника подвешен волосяной бунчук. На другом конце длинного деревянного древка – железный вток. На левом боку султана – сабля среднеазиатского производства («кльч»), привезенная в казахские степи из Бухары или Самарканда. Рукоять сабли выполнена в подражание иранским прототипам: Г-образная рукоять с металлическим навершием обложена костяными пластинами и снабжена изящным крестообразным перекрестьем. К седлу приторочен украшенный гравировкой боевой топор («айбалта») на длинной деревянной рукояти – краса и гордость казахского воина.

Конская сбруя выполнена киргизскими мастерами. Кожаные ремни украшены металлическими накладками и кистями (металлические подвески и пластинки нашиты поверх узких кожаных ремешков). Деревянное седло обито прорезными металлическими пластинами. Поверхность кожаного чепрака покрыта тисненым орнаментом и снабжена бляшками и прорезными металлическими накладками.

Казахский батыр из Младшего жуза. В период противостояния с Джунгарским хунтайджийством институт «батырства» получил в Казахстане мощное развитие. Хорошо подготовленные и вооруженные воины – батыры – являлись ядром вооруженных сил казахских жузов. Они участвовали в поединках, становились командирами отрядов ополчения, выполняли дипломатические миссии.

Изображенный на реконструкции батыр из Младшего жуза одет в халат с косым запахом, шаровары и сапоги на высоком каблуке. Поверх низкой шапки, сшитой из шкур («тельпек»), надеты кольчатопластинчатая миссюрка и кожаный башлык («желпен»). Последний имеет характерные для башлыков Западного Казахстана широкие лопасти, застегивающиеся на горле. «Желпен» защищает голову

воина от солнечных лучей, дождя и пыли. Поверх халата батыр носит кольчатый панцирь с длинными рукавами бухарского производства и стеганный на вате «мягкий» панцирь «чопкут» с осевым разрезом, стоячим воротником, рукавами до локтя и подолом для колен. Наплечная часть панциря усилена железными накладками.

Оружие конного воина – саадак (сложносоставной лук в налуче, украшенный тиснением 8-образный колчан со стрелами), фитильное ружье с сошками и боевой топор на длинной рукояти с месяцевидным лезвием – «айбалта». К кожаному поясу подвешена полукруглая «ружейная сумка» («киса») и вырезные мешочки для пуль («окшынтай»). Порох насыпан в специальные роговые мерки, которые попарно подвешены к кожаному шнуру на груди воина (казахское название такого азиатского варианта «бандельера» – «бир атар»). Конская сбруя выполнена киргизскими мастерами.

¹ См., например: Худяков Ю.С. К вопросу о коннице, пехоте и характере войска древних тюрков // Российская археология. № 4. 2000. С. 100–107; Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Барнаул, 2003. С. 97, 98, 147–149; Миргалеев И.М. Битвы Тохтамыш-хана с Аксак Тимуром // Военное дело Золотой орды: проблемы и перспективы изучения. Казань, 2011. С. 170–182 и др.

² Бобров Л.А. Вооружение и тактика восточных и западных монголов в эпоху позднего Средневековья (XVII в.) // Историко-культурное наследие Северной Азии: Сб. науч. тр. / Под ред. А.А. Тишкина. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2001. С. 11–19; Он же. Вооружение и тактика монгольских кочевников эпохи позднего Средневековья // Para-Bellum: военно-ист. журнал. Спец. вып. СПб., 2002 а. № 13. С. 93–98; Бобров Л.А., Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Взаимодействие тюркских и монгольских народов с русскими в Сибири в военном деле в позднее Средневековье и Новое время. Учебное пособие. Новосибирск: Новосиб. Гос. Ун-т, 2010. 288 с.; Бобров Л.А., Пастухов А.М. Ойратская артиллерия XVII–XVIII вв.: вопросы происхождения, конструкции и боевого применения // Вооружение и военное дело кочевников Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 2007. С. 170–247; Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего Средневековья и Нового времени (XV – первая половина XVIII вв.). СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2008. 770 с.; Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Огнестрельное оружие в войсках Джунгарского ханства (1635–1758 гг.) // Роль номадов в формировании культурного наследия Казахстана. Алматы: Print-S, 2010. С. 204–217.

³ История Казахстана в русских источниках. Посольские материалы Российского государства (XV–XVII вв.) [Текст]. Алматы: Дайк-Пресс, 2005. Т. 1. С. 405. Во время конфликта с узбекскими ханствами казахские правители предпринимали попытки диверсифицировать источники поступления огнестрельного оружия. Так, например, в конце XVI в. казахский Тауекел-хан, готовясь к войне с Бухарой, активно добивался присылки из Москвы «огненного боя» (там же, с. 192).

- ⁴ История Казахстана в русских источниках XVI–XX вв. в 10 т. Алматы: Дайк-Пресс, 2005. Т. 2. Русские летописи и официальные материалы XVI – первой трети XVIII в. о народах Казахстана. С. 364.
- ⁵ Валиханов Ч.Ч. Собр. соч. в 5 т. Алма-Ата: Наука, 1984. Т. 1. С. 219, 386.
- ⁶ Прошлое Казахстана в источниках и материалах V–XVIII вв. М.; Алма-Ата: Наука, 1935. С. 246.
- ⁷ Султаны Кенесара и Садык. Биографические очерки султана Ахмета Кенесарина. Обработано для печати и снабжено примечаниями Е.Т. Смирновым. Ташкент, 1889. С. 22.
- ⁸ Там же. С. 35, 47, 63.
- ⁹ Прошлое Казахстана в источниках и материалах V–XVIII вв. С. 246.
- ¹⁰ Далаева Т.Т. Военные функции казахских ханов и султанов в XVIII–XIX вв.: проблемы эволюции и трансформации // Роль кочевников евразийских степей в развитии мирового военного искусства. Алматы, 2010. С. 361.
- ¹¹ Султаны Кенесара и Садык. С. 22.
- ¹² Бобров Л.А. Военное дело калмыков и его эволюция в XVII–XVIII веках // История Калмыкии с древнейших времен до наших дней. Элиста: Изд. дом «Герел», 2009. Т. 3. С. 83–103.
- ¹³ Материалы по истории каракалпаков (печатные и рукописные исторические известия о каракалпаках на русском языке) // Тр. ин-та востоковедения. М.; Л., 1935. Т. 7. С. 179.
- ¹⁴ Здесь и далее речь пойдет об обороне в условиях полевых сражений. Искусство обороны крепостей и поселений казахами будет рассмотрено в специальной работе.
- ¹⁵ Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего Средневековья и Нового времени (XV – первая половина XVIII вв.). С. 574–578, 580–589.
- ¹⁶ Казахско-русские отношения в XVI–XVIII веках (сб. документов и материалов). Алма-Ата: Изд-во Академии наук Казахской ССР, 1961. С. 22.
- ¹⁷ История Казахстана в русских источниках XVI–XX вв. Т. 2. Русские летописи и официальные материалы XVI – первой трети XVIII в. о народах Казахстана. С. 295, 296.
- ¹⁸ Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей. Алматы: «Санат», 1996. 656 с.
- ¹⁹ Султаны Кенесара и Садык. С. 51.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Автор выражает искреннюю признательность доктору исторических наук А.К. Кушкумбаеву за уточнение казахских терминов, обозначающих различные виды полевых укреплений казахов.
- ²² Пенской В.В. Великая огнестрельная революция. М.: Яуза, Эксмо, 2010. С. 235, 236.
- ²³ Бабур-наме. Ташкент, 1993. С. 306, 310, 317, 318.
- ²⁴ Материалы по истории Средней и Центральной Азии X–XIX вв. Ташкент: Изд-во «ФАН», 1988. С. 225, 226.
- ²⁵ Причем даже при наличии мастеров, сырья и необходимого инвентаря у него ушло на это 20–25 дней (Бабур-наме, 1993, с. 307).
- ²⁶ Материалы по истории казахских ханств XV–XVIII веков (извлечения из персидских и тюркских сочинений) [Текст]. Алма-Ата: Наука (Казахская ССР), 1969. С. 264, 300, 305.

- ²⁷ Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего Средневековья и Нового времени... С. 584, рис. 224, 5.
- ²⁸ Валиханов Ч.Ч. Собр. соч. в 5 т. Алма-Ата: Наука, 1984. С. 271.
- ²⁹ Бакунин В. Описание истории калмыцкого народа // Красный архив: Исторический журнал, 1939. Т. 3 (94). С. 225, 226.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Материалы по истории казахских ханств XV–XVIII веков... С. 297.
- ³² Султаны Кенесара и Садык. С. 35; Приложение, с. 19, 20, 22, 35.
- ³³ Бобров Л.А. Казахско-калмыцкая битва в урочище Узени (1724 г.): предпосылки, ход, результаты // Арало-Каспийский регион в истории и культуре Евразии. Алматы; Актобе, 2011. С. 32–37.
- ³⁴ Новолетов М. Калмыки: исторический очерк. СПб., 1884. С. 27.
- ³⁵ Султаны Кенесара и Садык. С. 35.
- ³⁶ Бобров Л.А. Петроглифы бассейна реки Чаган как иконографический источник по военному искусству народов Центральной Азии и Южной Сибири второй половины XVII–XVIII в. [Текст] / Л.А. Бобров // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. 2007. С. 266–269.
- ³⁷ Бобров Л.А. Вооружение и тактика восточных и западных монголов в эпоху позднего Средневековья (XVII в.) // Историко-культурное наследие Северной Азии: Сб. науч. тр. / Под ред. А.А. Тишкина. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2001. С. 11–19; Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего Средневековья и Нового времени...
- ³⁸ Султаны Кенесара и Садык. С. 35.
- ³⁹ Султаны Кенесара и Садык. С. 36.
- ⁴⁰ Там же. С. 37.
- ⁴¹ Там же. С. 57, 58.
- ⁴² Там же. С. 43, 56, 57; Приложение, с. 34, 36, 37.
- ⁴³ Аныракайский треугольник. Историко-географический ареал и хроника Великого сражения. Алматы: Дайк-Пресс, 2008. С. 120.
- ⁴⁴ Казахско-русские отношения в XVI–XVIII веках (сб. документов и материалов). Алма-Ата: Изд-во Академии наук Казахской ССР, 1961. С. 353, 354.
- ⁴⁵ Султаны Кенесара и Садык. С. 43, 56, 57; Приложение, с. 34, 36, 37.
- ⁴⁶ Казахско-русские отношения в XVI–XVIII веках. С. 22.